

Шульга Д. П., Шульга А. А.

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ НА ПЕТРОГЛИФАХ ГУЙГУ (ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ)

Аннотация. В настоящем исследовании автор использует слабо известные русскоязычным исследователям материалы наскальных рисунков памятника Гуйгу в городском округе Баян-Нур (Внутренняя Монголия, КНР). Мы рассмотрим антропоморфные и зооморфные изображения «духов» как источник для изучения духовной жизни древнего населения данного региона.

Ключевые слова: древние религии, наскальные рисунки, Северный Китай, Внутренняя Монголия.

Исследование верований древних бесписьменных народов – задача, сложность которой в первую очередь связана с фрагментарностью источниковой базы. К счастью, нередко исследователи открывают новые археологические объекты, которые способны пролить свет на ритуальные практики, представления об облике духов и иные аспекты мировоззрения. Особенно интересно, когда подобные объекты обнаруживаются в зоне соприкосновения различных культур, как например, на территории нынешнего Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ).

В начале 2004 г. пограничники, дислоцированные в городском округе Баян-Нур, нашли скопление наскальных рисунков в северо-западной части сомона Баинхангай (хошун Урдын-Дунд, Внутренняя Монголия). Военнослужащие сразу же сообщили об этом в соответствующие ведомства. Управление культуры Внутренней Монголии после получения доклада, 11 февраля 2004 г. составило план обследования с привлечением научных учреждений и административных органов. Итогом всего вышесказанного стало полевое обследование петроглифов Гуйгу.

Наскальные рисунки долины Гуйгу расположены примерно в 698 км к югу от границы между Китаем и Монголией. Дословный перевод топонима «Гуйгу» – «долина призраков». Это глубокая долина (фактически, ущелье), промытая сезонными потоками. Если говорить об окружающем рельефе, то это предгорья, относимые к отрогам горной системы Иньшань. К югу от Гуйгу тянется полупустынное низкорье, с севера раскинулась остепненная равнина.

Сама долина шириной 20–50 м, глубиной 2–10 м, а длиной около 2 км (с северо-востока на юго-запад). В Гуйгу встречаются редкие низкорослые карагачи (*Ulmus pumila*) и верблюжья колючка. Стены ущелья состоят из серого гранита. В местах, где склон вертикальный и ровный, в больших количествах обнаруживаются наскальные рисунки. Таким образом, в центральной и северной части долины плотность петроглифов высока, в то время как на юге Гуйгу рисунков почти нет. Стоит, впрочем, отметить, что ряд мест в долине труднодоступен из-за зыбучих песков, которые, в свою очередь, могут скрывать часть изображений.

Если говорить о классификации изображений, то по содержанию их можно разделить на сцены охоты, фигуры животных, изображения танцующих, образы духов, графические символы, антропоморфные личины. Животные чаще всего представлены горными козами и охотничьими собаками, следующие по распространенности олени, крупный рогатый скот и лошади (это вполне типичный для региона «зоологический набор» [3, с. 45]). Изображения людей и человекоподобных существ не столь многочисленны.

На петроглифах Гуйгу есть некоторое количество изображений ритуальных танцев. Стоит отметить, что участников ритуала немного, а форма исполнения весьма проста. Фигуры танцуют, размахивая руками (положение верхних конечностей варьируется от почти расставленных до почти воздетых) и ногами, в одиночку или парами. Принесение жертв также присутствует и совершается «молящимися» индивидуально. На ягодицах принимающих участие в обряде закреплены подобию хвостов (в некоторых случаях, с украшениями). Движения в рамках ритуала унифицированы. Ноги некоторых участников ритуала расставлены так, будто они присели для последующего прыжка. В левой верхней части композиции расположено огромное солнце, а в правой – крупная охотничья собака, которая стоит, выставив грудь вперед, будто несет службу. Можно сказать, что петроглиф отражает некоторое ритуальное празднование, посвященное солнцу [1, с. 15].

Как свидетельства поклонения светилам можно, вероятно, трактовать и петроглифы у входа в пещеру к востоку от деревни Шаньцзяньцунь волости Ваньхэюн (также Внутренняя Монголия), где были обнаружены две прочерченные смыкающиеся антропоморфные личины (возможно, олицетворения солнца и луны). Обе окаймлены зубчатым орнаментом, напоминающим лучи. На левом изображении треугольный «румянец» в районе щек, рот окружен все тем же зубчатым орнаментом, на лбу морщины, глаза круглые, нос намечен треугольником. Между глазами и носом прочерчены волнистые линии. Можно трактовать данную личину как «женскую». Правое изображение несколько шире, зубчатый орнамент обращен внутрь, толстые брови согнуты и связаны горизонтальной линией. Глаза глубоко посажены и окружены морщинами. Рот прямоугольный

с четко выполненными зубами. Намечены борода и усы. Таким образом, правую личину можно трактовать как мужскую [2, с. 40]. На настоящий момент очень сложно определить, соотносится ли мужское изображение с солнцем, а женское – с луной, как это характерно для многих культур, в т. ч. для китайцев Центральной равнины.

Изображения небесных тел в АРВМ также были найдены на склоне северного берега реки Байчахэ (приток Шара-Мурэна длиной около 140 км в юго-восточной части хошуна Хэшигтен-ци Внутренней Монголии). Петроглифы вырезаны на поверхности камня. Перед нами более десятка изображений светил. Исполнение их примечательно тем, что наряду с вполне естественными признаками (лучи, округлая форма и т.д.) некоторые небесные тела снабжены глазами, носами и ртом, приобретая, таким образом, антропоморфные черты. Некоторые «звезды» оформлены в виде личин с длинными ушами, напоминающими заячьи, и зооморфными мордами.

Как мы видим, находки в Гуйгу представляют собой отнюдь не изолированную традицию, но органичную часть наскального искусства АРВМ, имея параллели в петроглифах Сибири и Монголии.

Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

Библиографический список:

1. Ян Цзюнь. Наскальные рисунки с сюжетами охоты из Внутренней Монголии [杨君. 内蒙古地区的狩猎岩画 // 内蒙古文物考古 2005年第 1 期] // Культурное наследие и археология Внутренней Монголии (Нэймэнгу вэнью каогу). 2005. №1. С. 42–49.
2. Институт археологии и культурного наследия Внутренней Монголии. Исследование петроглифов Гуйгу [内蒙古文物考古研究所. 鬼谷岩画调查 // 内蒙古文物考古 2004 年第 2 期] // Культурное наследие и археология Внутренней Монголии (Нэймэнгу вэнью каогу). 2004. № 2. С. 14–16.
3. Хань Лисинь. Наскальные рисунки хошуна Хэшигтен-ци во Внутренней Монголии [韩立新. 内蒙古克什克腾旗岩画 // 内蒙古文物考古 2004年第 1 期] // Культурное наследие и археология Внутренней Монголии (Нэймэнгу вэнью каогу). 2004. № 1. С. 39–41.

Яшин В. Б.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Анализируются результаты социологического исследования религиозной самоидентификации населения современной Западной Сибири. Обосновывается вывод о преобладании среди жителей Омской области размытой религиозной идентичности и низком уровне религиозности населения региона.

Ключевые слова: религия, религиозная идентичность, религиозные практики, социология религии.

Религиозная ситуация, сложившаяся на исходе второго десятилетия XXI в. в России (как и во всем мире), характеризуется сосуществованием и наложением разнонаправленных тенденций. С одной стороны, в настоящее время религия не является безоговорочным (а тем более – монопольным) регулятором социальных процессов и приватной жизни. В числе очевидных факторов, обусловивших такое положение дел – статус Российской Федерации как светского государства; разделение институтов государственного образования и сферы религии; сохраняющаяся инерция официального атеизма советских времен; влияние секулярной глобализированной культуры; наметившаяся с 1990-х гг. трансформация российского социума в общество потребления, ориентирующее человека на сиюминутные наслаждения и атрофирующее потребность в ответах на абсолютные, предельные вопросы бытия, которые в состоянии дать только религия. С другой стороны, на протяжении всего постсоветского периода в России наблюдается активизация религии, повышение ее влияния и значимости. Это проявляется, в частности, в возвращении в публичное пространство традиций исторически укорененных российских конфессий, в перманентном появлении новых религиозных движений, в реактуализации архаических форм религиозности и мифотворчества, в популярности неоязычества.

Таким образом, приходится констатировать отсутствие консенсуса в масштабах российского социума относительно статуса и императивной модальности религии. Поскольку же общество не диктует индивиду нормы и паттерны, связанные с религиозной сферой, и не требует их неукоснительного исполнения, религиозная идентичность неизбежно подвергается существенной деформации.

В современном религиоведении понятие «религиозная идентичность» трактуется как «категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе» [2, с. 863]. Согласно данной дефиниции, содержание религиозной идентичности носит релятивный характер, оно существенно варьирует от культуры к культуре, от